Глава XVIII

«НЫНЕШНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ БУДЕТ ЖИТЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ»: 1961—1962

Летом 1961 года, когда Хрущев вел переговоры с Кеннеди, а затем вместо мирного договора с Германией возводил Берлинскую стену, сельскохозяйственный кризис, беспокоивший его прошлой зимой, казалось, рассеивался. В мае Хрущев проверил ситуацию на Кавказе. Конец июня застал его в Казахстане. Повсюду он критиковал местное начальство, но уже не так жестко, как раньше, а временами даже посмеивался над собой. Когда в Казахстане ему предложили отведать конины, Хрущев посетовал на то, что мясо недостаточно жирное, но тут же добавил: «Правда, может быть, мне это показалось, так как я сужу о жирности мяса, учитывая свою комплекцию»¹.

Впереди виделись хорошие перспективы на урожай. «Мы живем в удивительное время», — объявил Хрущев своим казахским слушателям. Записка от 20 июля, в которой Хрущев описывал результаты инспекций в некоторых других регионах, разительно отличалась от предыдущей, написанной в марте. В то время казалось, что Украина движется к катастрофе: теперь же, радостно рапортовал Хрущев, положение выправилось — отчасти потому, не забыл добавить он, что больше земли отведено под кукурузу². После двух лет урожаев «ниже наших возможностей», добавил он 7 августа, нынешний обещает быть «лучшим за все годы существования Советской власти». Радовали его и успехи промышленности, и достижения советской науки, ознаменованные полетом в космос Германа Титова³. 10 сентября в Сталинграде Хрущев торжественно открыл новую гидроэлектростанцию. «Мы живем с вами, товарищи, в счастливое время, когда осуществляются самые заветные мечты лучших сынов человечества»⁴.

Самой заветной мечтой была, конечно, мечта о коммунизме — высшем периоде человеческой истории, когда, согласно «Коммунистическому манифесту», «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»⁵, когда изобилие, созданное «каждым — по способностям», будет свободно распределяться «каждому по потребностям». Согласно Ленину, коммунизму должна предшествовать длительная стадия социализма, в течение которой мощное государство, диктатура пролетариата, подготовит мир к будущей свободе. Сталин в 1936 году объявил, что «основы социализма» заложены: однако ему хватило ума не объявлять о полном и безоговорочном построении социализма и тем более заявлять о наступлении коммунизма в ближайшем будущем. Именно это пообещал Хрущев в своей новой программе партии.

Старая программа была принята в 1919 году. Необходимость ее пересмотра была признана еще в 1934-м: тогда XVII съезд партии организовал для этого комиссию, возглавляемую Сталиным, — но помешала война. Сохранился неопубликованный черновик 1948 года, в котором упоминается «построение в СССР коммунизма в течение двадцати-тридцати лет» — что доказывает, что Хрущев был не единственным утопистом в советском правительстве. Однако Сталин не рисковал связывать свои мечты с какой-либо конкретной датой.

Сам Хрущев любил поговорить о «строительстве коммунизма» еще в тридцатых. В 1952 году он назвал это одной из главных задач партии, а на XX съезде заявил, что «мы поднялись на вершину, с которой открывается широкая дорога к нашей главной цели — коммунистическому обществу». По его предложению XX съезд принял решение о подготовке новой программы⁶.

Хрущев зажегся энтузиазмом, который, как выяснилось впоследствии, оказался для него губительным; однако это не значит, что программа составлялась абы как. Работа над ее созданием велась — по крайней мере с виду — тщательно и методично. В 1958 году был образован обладающий большими полномочиями комитет во главе с руководителем международного отдела ЦК КПСС Борисом Пономаревым. Комитет рассылал запросы правительственным, научным и другим учреждениям, собирая сведения обо всех областях как советской, так и зарубежной жизни. Основные разделы составляли ведущие советские экономисты, Евгений Варга и Станислав Струмилин: особое внимание они уделили сравнительным экономическим перспективам СССР и США в ближайшие десять — пятнадцать лет. Стру-

мили́н предва́рил свою́ часть предупрежде́нием проти́в «попешных попы́ток реше́ния пробле́м в отсутстви́е необходи́мых усло́вий».

Первоначальный набросок был закончен осенью 1958 года. За работой надзирал сам Хрущев: в июле он отдал Пономареву распоряжение сделать программу «ясной, четкой и вдохновляющей, как стихи, однако в то же время реалистичной, жизненной и охватывающей широкий круг проблем». В октябре, прочтя черновик, Хрущев приказал убрать оттуда излишнюю детализацию, нарушающую ее «глубокий и всеохватный характер».

На XXI съезде партии в 1959 году Хрущев заявил, что СССР завершил «полное и окончательное построение социализма». Иными словами, на очереди — коммунизм. В марте он провел долгую встречу с Пономаревым, а в июле Президиум запросил у еще более широкого круга экспертов, институтов и организаций их планы и предсказания на будущее. Особое внимание было уделено независимым оценкам Госкомстата и Государственного экономического совета. И тот и другой совершили ошибку, предположив, что экономический бум середины и конца пятидесятых будет продолжаться еще два десятилетия⁷.

В начале 1960 года Федор Бурлацкий присоединился к группе Пономарева, жившей и работавшей в роскошных условиях — в Подмоскowie, в санатории, расположенном в сосновом бору. Позже он вспоминал жаркие споры о том, стоит ли включать в программу конкретные прогнозы относительно советской и зарубежной экономики. Включить этот раздел предложил ведущий советник Хрущева по экономике Александр Засядько, однако буквально все члены комиссии, и экономисты, и неэкономисты, отвергли его текст как «поверхностный и ненаучный». Предложенные оценки экономического развития СССР и США были «взяты с потолка — одни благие пожелания», вспоминал Бурлацкий. Однако, когда Засядько принес на заседания восьмидесятистраничную рукопись в голубой обложке и открыл на первой странице, где вслед за словами «включить в программу» шла всем известная подпись Хрущева, — дело было кончено: в программу вошли статистические «доказательства» того, что СССР вот-вот догонит и перегонит США. «Энтузиазм был велик, — рассказывает Бурлацкий, — но, как говорили в аппарате, энтузиазм энтузиазмом, а без патронов не обойтись»⁸.

Текст программы редактировал сам Хрущев. 20—21 апреля, а затем 18 июля 1961 года он надиктовал в общей сложности сорок шесть страниц замечаний и поправок. Некото-

рая часть его правки (убрать лишнее прилагательное, исправить анахронизм и т. п.) была чисто редакторской: должно быть, он получал немалое удовольствие, поправляя академиков. Другие «улучшения» делали текст еще более утопичным (хотя, казалось бы, это и невозможно); так, Хрущев настоял на заявлении, что к 1970 году СССР обгонит США по производству всех видов продукции на душу населения.

Некоторые поправки Хрущева носили более реалистичный характер: через два десятилетия обеспечение населения отдельными квартирами будет достигнуто лишь «в основном»; хотя охрана материнства и детства — дело хорошее, лучше не перечислять подробно «роддома, женские консультации, детские больницы и санатории, летние лагеря и т. п., как будто наши возможности неисчерпаемы». Однако эти внезапные всплески реалистичности только подчеркивали утопический характер основных пунктов программы.

«Из средства к существованию», — говорилось в черновике, — работа превратится в «творческую деятельность», что позволит каждому «участвовать в труде для того, чтобы удовлетворять все материальные и духовные запросы человека». Этой фразой Хрущев остался недоволен: вдруг люди решат, что теперь вместо работы свободны «пойти на пляж»? Вдруг начнут говорить: «Пусть другие работают — а я работать не буду, лучше полежу»? Разумеется, заключал он, «рабочий день должен быть короче, а отпуска дольше — но кто будет за все это платить, китайцы?»⁹ Хрущев достаточно ясно понимал, что представляют собой окружающие люди — однако не мог и помыслить о том, что человеческая природа преградит путь к обещанному коммунистическому раю. Признавал он и то, что усложнение международных отношений может привести к «задержке» выполнения обещаний программы — однако ни за что не признал бы, что в нагнетании международной напряженности виноват он сам.

Несмотря на свое часто выражаемое презрение к пустопорожней теоретической болтовне и любовь к практическим решениям, Хрущев как лидер СССР обязан был придерживаться четко выдержанной идеологической линии. Маркс и Ленин использовали выражение «диктатура пролетариата» для обозначения кратковременной ситуации, когда победивший рабочий класс экспроприирует собственность экспроприаторов; Сталин, в противоположность Марксу, сулившему «отмирание государства», утверждал, что диктатура пролетариата сохранится и дальше. Хрущев не решился столь радикально пересматривать концепцию основателей — он просто заменил «диктатуру пролетариата» новым термином,

«всенародное государство». Это решение он обосновывал как идеологически («диктатура пролетариата необходима и ее нужно всемерно укреплять, когда существуют эксплуататорские классы», и потому непонятно, откуда диктатура, если больше нет таких классов), так и исходя из здравого смысла. Обычные люди не понимали (исходя из утверждения Ленина, что большинство должно диктовать свою волю меньшинству), как диктатура может быть демократической. «Но в чем выражается эта диктатура, — с подкупающей откровенностью признавался Хрущев, — если меня спросят, я вам не объясню, думаю, что и вы мне не объясните»¹⁰.

Президиум получил черновик программы 6 мая и одобрил его (с минимальными изменениями) 24 мая. 19 июня Хрущев представил программу ЦК, произнеся речь, в которой наобещал еще больше, чем значилось на бумаге. Через двадцать лет, объявил он, «коммунизм в нашей стране будет в основном построен». За эти годы СССР будет «неуклонно завоевывать победу за победой» в соревновании с США. Пройдет два десятилетия — и Советский Союз «поднимется на такую высоту, по сравнению с которой главные капиталистические страны останутся далеко внизу, останутся позади». Советская деревня будет процветать; «деревни и села будут преобразовываться в укрупненные населенные пункты городского типа с благоустроенными жилыми домами, коммунальным обслуживанием, бытовыми предприятиями, культурными и медицинскими учреждениями, чтобы в конечном счете по условиям жизни сельское население сравнялось с городским»¹¹.

Мэлор Стуруа, один из редакторов текста программы, пытался удержать Хрущева от излишних обещаний. Зная темперамент босса, Стуруа постарался облечь свои возражения в идеологическую оболочку: он перечислил стадии исторического развития по Марксу, напомнил, что они следуют друг за другом в предсказуемом порядке и что не стоит торопить их приближение. В ответ Хрущев, смерив смуглого грузина грозным взглядом, ответил: «Слушай, дорогой, эти твои дилетантские штучки к истине не имеют никакого отношения». И расписание явления манны небесной осталось неизменным¹².

30 августа 1961 года проект программы был опубликован, и началось то, что советские пропагандисты называли «всенародным обсуждением»: в этом обсуждении на партийных и всеобщих собраниях приняло участие около 4,6 миллиона человек. В общей сложности около трехсот тысяч писем, статей, заметок были переданы двадцати двум рабочим группам, которые тщательно проанализировали четырнадцать тысяч и включили в окончательный текст сорок поправок¹³. Именно этот

текст Хрущев представил 18 октября 1961 года на XXII съезде партии. Через десять лет, обещал он, все население СССР будет «обеспечено материально». Еще скорее все и каждый будут «питаться полезными высококачественными продуктами». Магазины будут завалены потребительскими товарами, а нехватке жилья придет конец «уже в этом десятилетии»¹⁴.

Съезд партии одобрил новую программу единодушно и без колебаний.

На самом деле, вспоминал позднее Микоян, Хрущев «не любил статистику». Ему, продолжает Микоян, «был нужен эффект для народа. Он не понимал, что народ потребует выполнения или объяснения»¹⁵.

Разумеется, Микоян перечислил не все мотивы Хрущева. Возможно, глава государства надеялся «подстегнуть» бюрократов, ответственных за выполнение обещанного в намеченный срок, а кроме того, улучшить собственный имидж. К тому же он искренне не мог дождаться, когда наконец советский народ, принесший столь много жертв, сможет насладиться благополучной жизнью.

Как ни парадоксально, та же искренняя забота о благе народа стала причиной гонений на религию, начатых Хрущевым примерно в это же время. Разумеется, религию большевики всегда рассматривали как величайшее зло: начиная с 1917-го и до 1940-х годов в стране разрушались церкви, арестовывались священники, преследовались верующие. Однако во время и сразу после Великой Отечественной войны Сталин изменил государственный курс — хотя, скорее всего, лишь для того, чтобы сплотить народ и произвести впечатление на западных союзников. Число регистрируемых государством православных приходов, вновь открываемых церквей и монастырей, крещений, отпеваний, число посетителей церковных служб и студентов семинарий — все эти цифры на протяжении сороковых — пятидесятых годов неуклонно росли¹⁶.

Первые раскаты грома грянули в конце пятидесятых, а в 1961 году борьба с религией достигла апогея: была усилена антирелигиозная пропаганда, подняты налоги на религиозную деятельность, началось массовое закрытие церквей и монастырей. В результате число православных приходов сократилось с более чем пятнадцати тысяч в 1951-м до менее восьми тысяч в 1963 году¹⁷.

Неясно, сам ли Хрущев начал новые гонения на религию: но, несомненно, они происходили с его одобрения. Возможно, борьбу с религией он рассматривал как новый

этап десталинизации — отход от сталинского компромисса с церковью, возвращение к воинственной и непримиримой ленинской позиции. Не случайно гонения на веру совпали по времени с подготовкой новой партийной программы. Когда же и избавлять народ от «пережитков прошлого», как не в миг, когда перед ним распахиваются сияющие горизонты коммунистического будущего! Если же, как утверждает его помощник Андрей Шевченко, Хрущев и вправду сохранил остаточные религиозные убеждения — тем сильнее было снедающее его чувство вины и тем настоятельнее необходимость клеймить религию и отречься от нее на публике¹⁸.

XXII съезд партии открылся 17 октября 1961 года в роскошном мраморном зале только что выстроенного в Кремле Дворца съездов. Строительство производилось в большой спешке и было завершено в самый последний момент. То, что съезд происходил в специально для него выстроенном здании, придало мероприятию особую торжественность. Помимо почти пяти тысяч советских делегатов, на съезде присутствовали лидеры братских компартий. Со времени последнего очередного съезда (XXI был внеочередным) прошло пять лет; настало время пересмотреть положение СССР и мирового коммунизма с 1956 года.

Если бы съезд имел реальную власть и влияние, ему нашлось бы немало работы. Хрущев заслуживал критики и за промахи в сельском хозяйстве, и за германскую политику, и за отношения с Китаем и с собственной интеллигенцией. В 1961 году в его способности грамотно управлять страной сомневались уже многие — от простых колхозников до высокопоставленных генералов. Однако Хрущев обладал абсолютной властью, и потому съезд превратился в сплошное восхваление его достижений.

Тон задавала новая программа партии. Хрущев сделал общий доклад от имени ЦК, а затем изложил содержание программы: в общей сложности обе речи заняли больше десяти часов. («Невольно возникает вопрос, — вопрошал в октябре 1964 года на пленуме член Политбюро Дмитрий Полянский, — неужели наша 10-миллионная партия не могла выделить из своей среды другого докладчика?»¹⁹) Перед закрытием съезда Леонид Брежнев произнес хвалу «неукротимой энергии и революционной страстности товарища Хрущева, [которые] вдохновляют всех нас на боевые дела», а Николай Подгорный, два года спустя присоединившийся к Брежневу в антихрущевском заговоре, восхвалял «деятельность това-

рища Н. С. Хрущева, его неисчерпаемую кипучую энергию, подлинно революционный, ленинский подход к решению сложных вопросов теории и практики, его неразрывную связь с народом, человечность и простоту, умение постоянно учиться у масс и учить массы»²⁰.

Внимательное чтение материалов съезда показывает, что степени восхищения Хрущевым у разных ораторов были весьма различны. Западные советологи даже прослеживали в этом признаки тайной борьбы за власть²¹. Однако, если бы на этот момент и существовала реальная оппозиция Хрущеву, она бы долго не протянула. «Настоящие проблемы» у Хрущева начались позже, вспоминает Петр Демичев: во время XXII съезда «не было еще ни облачка». Первый секретарь Московского горкома Николай Егорычев вспоминал: «Надо было видеть, как все поддерживали Никиту Сергеевича!»²²

Однако в одном отношении съезд стал неожиданностью: на нем возобновилась странно противоречащая общему триумфальному тону атака на Сталина.

С 1957 года Хрущев почти не упоминал о Сталине; по большей части молчала о нем и новая программа. Член Политбюро Отто Куусинен предложил включить в программу хотя бы какое-то упоминание о «культе личности» — на случай, если Мао в Китае попытается придать ему второе дыхание, — и Хрущев принял предложение. Поправка Куусинена, намного более мягкая, чем формулировки знаменитого закрытого доклада, в окончательный текст так и не вошла²³. Однако первоначальный безоблачно-радостный тон съезда буквально захлебнулся в потоке антисталинских речей.

К открытию съезда тело тирана еще лежало в Мавзолее рядом с Лениным, и город-герой Сталинград, как и тысячи других городов, поселков, улиц и учреждений, носил его имя. И вдруг на имя Сталина — как и на имена Молотова, Маленкова и Кагановича — полились потоки грязи. Редактор «Правды» Павел Сатюков охарактеризовал Молотова и его приспешников как «кучку фракционеров, привыкших к затхлой обстановке культа личности». По мнению Хрущева, Молотов и прочие не желали разоблачения Сталина, поскольку «боялись ответственности за свои злоупотребления властью». Вспоминая казнь своего друга, генерала Якира, Хрущев вспомнил и о том, что в пятидесятых годах Молотов, Каганович и Ворошилов приветствовали его реабилитацию. «Но вы же и казнили этих людей. Так когда же вы действовали по совести: тогда или сейчас?»²⁴

Подобные обвинения он высказывал и в 1956 и в 1957 годах, однако впервые вынес их на публику. Он намекнул даже, что именно Сталин организовал убийство Кирова в 1934-м, и предложил возвести в центре Москвы памятник жертвам сталинского террора. В предпоследний день работы съезд принял (единогласно, разумеется) резолюцию о «недопустимости дальнейшего нахождения в Мавзолее саркофага с телом И. В. Сталина»; резолюция была принята после того, как одна старая большевичка, вступившая в партию в 1902 году, заявила: «Вчера я советовалась с Ильичом, будто бы он передо мной как живой стоял и сказал: мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии»²⁵.

В ту же ночь тело Сталина вынесли из Мавзолея. Под покровом тьмы, за оцеплением, призванным оградить Красную площадь от любопытных взоров, гроб с телом сняли с мраморного постамента и зарыли позади здания. «Несли даже не горизонтально, — вспоминал Шелепин, — а под углом 45 градусов. Мне казалось, он вот-вот откроет глаза и спросит: “Вы что же это, сволочи, со мной делаете?”» Вместо земли власти приказали засыпать гроб несколькими слоями цемента²⁶.

Помимо светлого коммунистического будущего и ужасов сталинизма еще одной темой съезда стало предложенное Хрущевым ограничение срока руководства для коммунистических лидеров. Он хотел ограничить коммунистов двумя-тремя сроками — разумеется, сделав исключение для тех, кто, как он сам, «благодаря своему общепризнанному авторитету и выдающимся политическим, организаторским и другим качествам» может служить народу «в течение более долгого периода»²⁷. Однако по-прежнему непонятно, почему Хрущев позволил антисталинизму доминировать на съезде, почти перекрывая остальные темы. По мнению Сергея Хрущева, отец «не мог сдержаться», а взрывы его гнева побуждали других ораторов поспешно следовать его примеру. Другие утверждают, что Хрущев сознательно заставлял своих коллег присоединяться к антисталинистскому хору²⁸. Оба объяснения вполне возможны; не исключено, что мы имеем дело со столь свойственной Хрущеву комбинацией показной самоуверенности и скрытой неуверенности в своей правоте.

После всех неудач во внутренней и внешней политике у Хрущева было немало причин беспокоиться о том, как примет его съезд. Еще до его начала Молотов направил в ЦК очередное «Я обвиняю» — письмо, в котором нападал на новую программу как на «дискредитирующую коммунистов». Содержались ли в письме слова (высказанные позже

в разговорах с друзьями), что Хрушев «понесся, как саврас без узды» и «продиктовал программу левой ногой», — мы не знаем²⁹.

Письмо Молотова спровоцировало Хрущева на выступление против «антипартийной группы»; вскоре после съезда все ее члены были исключены из партии. В том, что традиционно послушный съезд поддержит Хрущева, можно было не сомневаться — но откуда такой энтузиазм? Так или иначе, окончательное низвержение Сталина вместе с принятием новой программы укрепило положение Хрущева: теперь власть его была намного сильнее и авторитарнее, чем в 1956-м или даже в 1957 году.

В речах и замечаниях Хрущева чувствовались и удовольствие от поддержки аудитории, и горечь оттого, что полностью избавиться от неуверенности в себе ему так и не удалось. Оба чувства ярко проявились в тот момент, когда новый ЦК, избранный съездом, начал выбирать свой Президиум. В огромном зале, где только что сидели несколько тысяч делегатов и гостей, остались лишь несколько сот членов ЦК. Начать заседание должен был руководитель КПСС Хрушев: однако он долго хранил молчание, словно желая показать, что без него не начнут. «Вам слово, Никита Сергеевич!» — окликнул его кто-то из зала. Хрушев с притворным удивлением поинтересовался, не хочет ли выступить кто-нибудь еще. Поднявшись наконец на трибуну, он долго рылся в карманах, извлек клочок бумажки и пошутил: «Если бы я потерял эту бумажку, пришлось бы нам обходиться без Президиума». Эта фраза ясно показывала, что список кандидатов он составил сам. Но на случай, если кто-то не понял, Хрушев добавил: «Я тут посидел с карандашом...» С этими словами он принялся зачитывать список кандидатов — а члены ЦК с волнением ждали, прозвучат ли их фамилии. Когда он не назвал собственной фамилии, раздался хор голосов: «А как же Хрушев?.. Мы выдвигаем Хрущева»³⁰.

XXII съезд стал отправной точкой и в другом смысле. Не стесненный больше ни Сталиным, ни Молотовым или другими соперниками, сосредоточив в своих руках верховную и единоличную власть, Хрушев вновь обратился к проблемам, давно не дававшим ему покоя³¹. И одной из них, разумеется, стало сельское хозяйство. Несмотря на благоприятное лето, урожай 1961 года стал большим разочарованием: общий объем сельскохозяйственных продуктов на рынке вырос всего на 0,7 %, мяса получили меньше, чем в 1959 и 1960

годах, а урожай зерновых на целине оказался самым низким за последние пять лет. Какой убийственный контраст с программой партии, обещавшей «цветущее, высокоразвитое, высокопродуктивное сельское хозяйство» и «изобилие высококачественных продуктов питания для народа и сырья для промышленности!»³²

У неудач в сельском хозяйстве было много причин: одна из них — завышенные требования, на фоне которых даже успехи казались провалами. Однако предложение постоянно отставало от спроса, и простые люди страдали из-за дефицита продуктов. 30—31 декабря в Чите было обнаружено несколько плакатов с текстами: «Внутренняя политика Хрущева — гнилье!», «Долой диктатуру Хрущева!» и «Болтун Хрущев, где твое изобилие?»³³.

Реакция Хрущева на этот кризис несколько отличалась от предыдущих и последующих. В 1953 году он не сомневался, что предложенные им реформы положат конец дефициту. В 1963-м — в сущности, отчаялся найти выход. Зимой же 1961/62 года он был раздосадован и сердит, однако все еще полагал, что решение проблемы ему известно, — осталось лишь применить его на деле.

Как обычно, инстинкт позвал его в дорогу. Через две недели после съезда он уже встречался с узбекскими хлопководами. Оттуда направился на целину и в Сибирь, а в середине декабря вернулся в Москву. Неделью спустя был уже в Минске, а в середине января — в Киеве. В марте состоялся пленум ЦК, посвященный сельскохозяйственным вопросам. Во время этих поездок Хрущев по-прежнему настаивал на неких панацеях, долженствующих, по его мнению, преобразить сельское хозяйство страны, — однако нетрудно было заметить в нем раздражение и растерянность.

Вот как встретил Хрущев просьбу своих ташкентских слушателей вкладывать в производство хлопка больше средств: «Что же мы должны сейчас — выворачивать карманы, чтобы деньги считать? Я могу вам вывернуть свои карманы и показать, что они пусты... У меня ничего нет и я ничего вам не привез, кроме добрых пожеланий»³⁴. Партийному лидеру Казахстана, заметившему, что в 1961 году республика «сократила» свой вклад в освоение целины, Хрущев сердито заметил: «Это еще мягко сказано. Вы не сократили производство зерновых — вы его прекратили!»³⁵ В Новосибирске осуждающе отозвался о принятой практике, по которой около четверти пахотных земель находились под паром или зарастали травой — это практиковалось в тридцатых годах для ликвидации последствий внесения в почву сильно-

действующих удобрений и гербицидов. Возможно, простаивало и вправду слишком много земли; однако Хрущев потребовал немедленно распашать всю оставленную землю и засеять ее кукурузой и другими культурами, требующими интенсивного ухода, — решение, губительное с агрономической точки зрения³⁶.

На московской конференции 14 декабря Хрущев также произнес много «горьких слов». «Всыпать нужно ученым», защищающим травопольную систему, заявил он, «нужно за уши вытащить из болота, затащить в баню и хорошенько намылить им шею». В некоторых колхозах земля простаивает «совершенно преступным образом». В ответ на молчание присутствующих чиновников, не знавших, как реагировать на такую критику, Хрущев воскликнул: «Что-то не особенно дружно вы аплодируете!» Но хуже всего, продолжал он, что «в некоторых городах ощущается недостаток мяса», и при этом директора совхозов «живут припеваючи, зарплату регулярно получают... Нет, так дальше не может продолжаться»³⁷.

Киевская речь Хрущева прозвучала не столь резко — возможно, возвращение на Украину смягчило его сердце; однако в Минске он вновь развернулся в полную силу. Много лет он хвастал повышением производительности колхозов, однако теперь вдруг отказался от этой риторики: «В стране выросло население, намного увеличился спрос на продукты питания. Поэтому надо сравнивать рост производства не только с 1953 годом... Я должен вам сказать правду в глаза. Кто же будет говорить, если я не скажу?» Что-то слушатели сидят с постными лицами, продолжал он: «Некоторые могут сказать: что же это, Хрущев приехал затем, чтобы раскритиковать, разнести нас? А вы что думали, я приехал вам стихи Пушкина читать?»³⁸

На пленуме в марте 1962 года присутствовали чиновники, не являвшиеся членами ЦК. Присутствие этих «гостей» — еще одно «демократическое» новшество, введенное Хрущевым, — вызвало раздражение Центрального Комитета. Когда он гневно заговорил о партийных чиновниках, ожидающих, что «крестьяне будут кукурузу топорами рубить, пока комбайны стоят в гаражах нечиненные», — зал встретил его угрюмым молчанием. «Аплодируйте, товарищи, — подбодрил Хрущев аудиторию. — Что же вы не аплодируете?» Досталось и самим крестьянам, которые, «выходя сеять, снимают шапку, крестятся на восток, говорят: “Господи, помоги”, а потом уж принимаются за сев», и агрономам, тратящим время на сочинение никому не нужных трактатов под заглавиями типа «Исследование микроклима-

та в помещениях для крупного рогатого скота колхозов Эстонской ССР». В книге этой, по словам Хрущева, имелся даже раздел «Химический состав воздуха». «Да любой, у кого обоняние не отшибло, едва войдет в хлев — сразу разберется, какой там состав воздуха!»

Открывая мартовский пленум, Хрущев призвал вкладывать в сельское хозяйство больше средств, в частности, объявил о создании трех новых заводов по производству сельскохозяйственной техники. Однако четыре дня спустя заявил, что колхозам придется обходиться тем, что есть. Отступление было столь резким, что Хрущев вынужден был, противовес очевидности, его отрицать («Это вовсе не значит, что я беру свое слово назад...»). Очевиден был и его смысл: как бы тяжело ни приходилось сельскому хозяйству, тяжелое машиностроение и ВПК ресурсами делиться не станут³⁹.

Вместо улучшения финансирования Хрущев предложил новую поспешную и непродуманную административную реформу. Еще с двадцатых годов за состояние колхозов и совхозов, как и за деревенскую жизнь вообще (дороги, образование, здравоохранение и т. п.) отвечали райкомы. Сам Хрущев в 1925—1926 годах занимал многократно воспетую в соцреалистической литературе должность секретаря райкома (точнее, укома) Петрово-Марьинского уезда. Теперь же он предложил дополнить прославленные райкомы «территориальными производственными администрациями», каждая из которых должна обслуживать территорию двух-трех бывших районов. Таким образом, между столицей и деревней выростала еще одна бюрократическая стена⁴⁰.

Тем временем ждало своей очереди еще одно нелегкое решение. 17 мая 1962 года Президиум одобрил проект указа, вступавшего в силу с 1 июня, о повышении цен на мясо и птицу — на 35 %, а на масло и молоко — на 25 %. Эта мера имела смысл. Закупочные цены государства, хотя и повышавшиеся с 1953 года несколько раз, все еще не покрывали себестоимости продукции: в результате чем больше производил колхоз или совхоз, тем большие нес убытки. Введенные Хрущевым ограничения на содержание индивидуального домашнего скота усугубляли ситуацию. Повышение цен позволило бы больше платить колхозникам и таким образом стимулировать их производительность. Однако оно резко расходилось с ожиданиями населения, уверенного, что после смерти Сталина цены должны идти вниз, а никак не вверх⁴¹.

В довершение всего повышение цен совпало с решением повысить нормы заводской выработки — то есть фактически снизить рабочим зарплату. Поначалу Хрущев сопротивлялся

этой мере, однако поддался на аргументы своего заместителя Алексея Косыгина.

Даже помощник Хрущева по внешней политике Трояновский, не имевший никакого отношения к сельскому хозяйству, уговаривал своего начальника дистанцироваться от этих непопулярных мер. Однако Хрущев взял всю ответственность на себя⁴².

Повышение цен вступило в силу с 1 июня 1962 года. Почти немедленно по всей стране появились рукописные листовки и плакаты с протестами; в Москве, Киеве, Ленинграде, Донецке и Челябинске послышались призывы к забастовкам. Волнения происходили и в других городах⁴³. По-настоящему трагические события развернулись на огромном электролокомотивном заводе имени Буденного в нескольких километрах к северу от Новочеркасска⁴⁴. В результате повышения норм выработки заработная плата рабочих упала на 30 %. Рабочие также жаловались на плохие условия работы (однажды в одном корпусе заболели сразу 200 человек), высокие цены на жилье, дефицит и дороговизну в городских магазинах⁴⁵. В ответ власти сняли прежнего директора завода, проработавшего в этой должности много лет и пользовавшегося уважением и доверием рабочих, и заменили его человеком со стороны. Когда рабочие заявили, что из-за снижения зарплаты больше не могут покупать себе в заводской столовой пирожки с мясом, новый директор, совершенно в духе Марии Антуанетты, отвечал: «Ну что ж, ешьте пирожки с капустой». Эти «пирожки с капустой» облетели весь город и стали ироническим лозунгом забастовки⁴⁶. Даже КГБ в одной из своих записок вынужден был признать, что недовольство рабочих было оправдано, а местные партийные функционеры не смогли предвидеть и предотвратить надвигавшуюся бурю⁴⁷.

1 июня в 7.30 утра группа рабочих, только что пришедшая на завод, отказалась приступить к работе. Вскоре и другие покинули рабочие места и вышли во двор, где уже собирались возмущенные рабочие из других корпусов. Директор попытался их успокоить, но, не преуспев в этом, ретировался к себе в кабинет. Рабочие отправились к зданию администрации, а оттуда двинулись на улицу. К этому времени их было уже несколько сотен. Секретарь обкома, выйдя на балкон, попытался отстоять перед рабочими повышение цен; тем временем работники КГБ старались аккуратно рассеять толпу, наводняя ее старыми членами партии. Однако на выступление партийного босса рабочие отвечали криками:

«Мяса! Мяса! Поднимите зарплату!» Когда над головой у обкомовца просвистела пустая бутылка, а затем несколько камней, он и его подчиненные скрылись. В тот же день возбужденная толпа перекрыла ближайший железнодорожный путь и остановила поезд, нарушив железнодорожное сообщение на линии Саратов—Ростов. На захваченном тепловозе кто-то написал мелом: «Разделаем Хрущева на мясо!»; кто-то залез в кабину и нажал на гудок, призывая рабочих с близлежащих заводов и жителей соседних домов.

К этому времени работа на заводе полностью прекратилась, а численность толпы достигла нескольких тысяч человек. Согласно отчету КГБ, «пьяные хулиганы» срывали со стен административного здания «некоторые портреты». Даже в сверхсекретном отчете автор не решился уточнить, что это были за портреты; очевидцы свидетельствуют, что люди сорвали со стен, сложили в кучу и сожгли портреты Хрущева⁴⁸. В середине дня захваченный поезд был освобожден силами КГБ и местной милиции, но тут же снова отбит разъяренной толпой. Партийные чиновники пытались зачитать перед людьми постановление ЦК, оправдывавшее повышение цен, но им не давали говорить. «Сами читали, грамотные! — кричали в толпе. — Лучше скажите, как мы жить будем, когда зарплата упала, а цены выросли!»⁴⁹

В 18—19 часов вечера на завод прибыло около двухсот милиционеров, однако вскоре им пришлось бежать. То же случилось и с солдатами, приехавшими на пяти грузовиках и трех боевых машинах пехоты. Согласно отчету КГБ, тех, кто пытался «восстановить законность и порядок», демонстранты избивали⁵⁰. Стихийный митинг на заводе продолжался всю ночь, а утром к нему присоединились вновь пришедшие рабочие, и 2 июня около восьми утра вся огромная толпа направилась в город.

В Кремле, разумеется, о беспорядках узнали сразу. В отчете КГБ, представленном Хрущеву и его коллегам, упоминались также протесты в других городах — Москве, Тбилиси, Новосибирске, Ленинграде, Днепропетровске и Грозном — однако заверялось, что для предотвращения дальнейших «антиобщественных манифестаций» приняты все необходимые меры⁵¹. Так, в Новочеркасске на подмогу местной милиции были вызваны несколько армейских подразделений и войска МВД. Командир Северо-Кавказского военного округа Исса Плиев, бывший на маневрах, около 17 часов первого июня вернулся в город; примерно в то же время прибыли более сотни спецсотрудников КГБ⁵². По свидетельству Аджубея, Хрущев «рвался» поехать в Новочеркасск: его «едва

отговорили»⁵³. Тогда он попросил отправиться туда Микояна и Козлова, не прислушавшись к возражению Микояна, что в такой ситуации ответственность должен взять на себя кто-то один, а не двое. Вместе с ними он отправил в Новочеркасск еще троих членов Президиума — Кириленко, Шелепина и Полянского — а также секретаря ЦК Леонида Ильичева и помощника председателя КГБ Петра Ивашутина⁵⁴.

Тем временем к новочеркасским демонстрантам присоединялись все новые люди, в том числе женщины и дети. Во главе колонны несли красные флаги, портреты Маркса, Энгельса и Ленина. Вадиму Макаревскому, офицеру, подчиненному Плиева, эта сцена напомнила дореволюционные рабочие демонстрации, как они изображались на полотнах советских художников⁵⁵. Некоторые потом сравнивали новочеркасскую демонстрацию с Кровавым воскресеньем. Как и в предыдущий день, демонстрация была мирной; однако партийные чиновники и силовые структуры, уже получившие выговоры за оторванность от народа, были заинтересованы в том, чтобы представить демонстрантов бандой хулиганов.

Чтобы попасть в центр города, колонне нужно было пересечь реку Тузлов; обнаружив, что мост перегорожен танками, многие перешли мелкую реку вброд, другие же двинулись прямо через танки, обходя их или смело карабкаясь по ним. Солдаты почти не пытались их остановить. В половине одиннадцатого толпа, достигшая теперь десяти тысяч человек, вышла на площадь Ленина. Призывы к партийным руководителям выйти и держать ответ перед народом остались без отклика: тогда несколько смельчаков ворвались в здание горкома, вышли на балкон, сорвали красные флаги и портрет Ленина и призвали народ захватить здание милиции и освободить демонстрантов, арестованных накануне. Солдаты дали несколько предупредительных выстрелов в воздух, но толпа не рассеивалась. И вдруг загремели новые выстрелы. Когда огонь прекратился, оказалось, что двадцать три человека (в основном в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет) убиты и восемьдесят семь ранены; некоторые из них позднее умерли от ран. Среди убитых были две женщины и один мальчик школьного возраста. Впоследствии власти, желая изгладить из памяти жителей эту трагедию, заново заасфальтировали площадь, чтобы уничтожить следы крови, и похоронили погибших на пяти разных кладбищах в дальних концах Ростовской области⁵⁶.

Кто отдал приказ стрелять — и был ли вообще такой приказ — так и осталось неясным. В то время КГБ утверждал, что стрелять приказали «военные». Макаревский утверждает, что стрельба началась случайно, когда один из демонстран-

тов попытался отнять у солдата винтовку. Военная прокуратура, проведшая расследование почти тридцать лет спустя, предположила, что первыми начали стрельбу снайперы из госбезопасности. По словам Микояна, Козлов неотступно требовал у Хрущева разрешения применить силу — и в конце концов его получил. Хрущев, как утверждал Микоян, боялся, что возмущение перекинется на другие рабочие регионы, в том числе на Донбасс⁵⁷.

Стрельба на площади Ленина и последующие жесткие меры переломили хребет восстанию, хотя на следующее утро в центре города все же собралось несколько сот человек, привлеченных главным образом криками женщины, потерявшей сына⁵⁸. В ответ на новую демонстрацию власти выкатили громкоговорители и начали транслировать записанную накануне речь Микояна. В тот же день Козлов в своем радиообращении пообещал улучшить условия, приведшие к забастовке. Повышение цен он оправдывал, однако уверял, что это временная мера, которая через каких-нибудь два года приведет к изобилию⁵⁹. Тем временем милиция арестовала 116 демонстрантов; над 14 зачинщиками был устроен скорый публичный суд, напоминавший процессы тридцатых годов. Семеро, в том числе одна женщина, были приговорены к смерти, остальные — к десяти — пятнадцати годам тюрьмы. Публика в зале суда встретила приговоры возгласами типа: «Собакам собачья смерть!» и «Пусть получают по заслугам!»⁶⁰.

Новочеркасская демонстрация была не единственной, которую пришлось подавлять силой: тем же летом в столкновениях с милицией погибли несколько человек в Муроме и Александрове Владимирской области⁶¹. Козлова пролившаяся кровь не лишила аппетита — сразу после новочеркасской трагедии Макаревский слышал, как, разговаривая по телефону с Суловым, Козлов жаловался на качество местного питания: «Чертова дыра! Распорядись, чтобы сюда что-нибудь прислали. И не забудь: мне нужен отпуск, ты обещал меня поддержать». Хрущев, по-видимому, воспринял известие о трагедии намного тяжелее. Он пытался оправдать силовые действия, заметив Козлову, что, поскольку «миллионы уже погибли ради торжества Советской власти, мы имели право применить силу». В происшедшем он винил всех, кроме себя, — и самих рабочих, и «местных идиотов, которым вздумалось стрелять», и коллег из Президиума. Сергей Хрущев утверждает, что «воспоминания о Новочеркасске мучили отца до конца дней. Именно поэтому он ничего об этом не написал в своих воспоминаниях». Не стоит удивляться и тому, что после трагедии не было проведено серьезного анализа ее причин⁶².

2 июня, выступая перед советской и кубинской молодежью (до или после известия о новочеркасской трагедии — неясно), Хрущев, отложив в сторону заранее подготовленный текст, сравнил нынешнюю ситуацию в стране с трудностями, возникшими сразу после Гражданской войны. Решение поднять цены далось нелегко, заявил он; но «как быть, какой найти выход? И мы решили сказать правду народу, партии... Да, у нас есть трудности, не хватает мяса, не хватает масла», — продолжал он. Но «через год-два» повышение цен «благоприятно скажется на всей экономике страны», а сельское хозяйство отныне «будет подниматься, как на дрожжах»⁶³.

Два дня спустя шеф КГБ Семичастный передал Хрущеву секретный доклад о реакции народа на его выступление. Некоторые интеллигенты (интересно, что все — с еврейскими фамилиями) встретили его восторженно: «Да, это действительно речь!»; «Другие страны должны завидовать нам, что мы имеем такого премьера!» (Ничего удивительного, эти люди умели распознавать в собеседниках агентов КГБ.) Однако сообщил Семичастный и о «некоторых нездоровых настроениях», исходивших, в частности, от военных. «Культ личности как был, так и остался», — заявил один офицер. «Какой ни плохой был Сталин, — заметил другой, — он ежегодно снижал цены, а сейчас, кроме повышения цен, ничего не сделано». А третий заключил: «Если сейчас народ будет бунтовать, то мы своих не пойдём усмирять»⁶⁴.

После Новочеркасска начатая в марте 1962 года административная реформа сельского хозяйства выглядела отнюдь не панацеей. В конце июня Хрущев снова побывал в Калининке — и на сей раз вынес оттуда неприятные впечатления: крестьяне по-прежнему, совсем как в далеком детстве, сгребали сено вилами и грузили на телегу, запряженную сонной клячей⁶⁵. Тем же летом и осенью он направил в Президиум еще девять записок, посвященных сельскому хозяйству. 4 августа Хрущев заявил, что территориальные администрации, введенные в марте, «оправдываются жизнью» — однако всего месяц спустя посетовал, что «мы еще не нашли правильной системы управления непосредственно в сельском хозяйстве»⁶⁶.

В августе, когда Хрущев отдыхал на даче в Крыму, его осенила еще одна гениальная идея. Со времен Ленина партия ревниво следила за своей монополией на власть, цент-

рализуя свои ряды — особенно собственную бюрократию. Теперь же Хрущев предложил разделить партию на две ветви, с тем, чтобы одна из них специализировалась по промышленности, а другая — по сельскому хозяйству. Он был убежден, что местные руководители отмахиваются от сельских проблем, и решил таким способом заставить их сосредоточить свои заботы на обеспечении народа провизией⁶⁷.

Сергей Хрущев слышал, как отец изложил свою идею Брежневу, Подгорному и Полянскому. Поплавав в Черном море, они сидели на пляже под тентом. «Все поддержали идею с энтузиазмом и в один голос», — рассказывает Сергей. «Что за великолепная мысль! Так и надо сделать, и немедленно!»⁶⁸ На самом же деле коллеги Хрущева пришли в ужас. Еще до того Брежнев «тихо негодовал» по поводу ликвидации сельских райкомов⁶⁹. Геннадия Воронову, главному специалисту по сельскому хозяйству в Президиуме, идея показалась «нелепой». Но вслух никто из высшего руководства не возражал⁷⁰. «Нужно понимать, в какой обстановке все это происходило, — рассказывал позже Шелепин. — После Сталина пришел Хрущев... Следующий хозяин. Ни у кого не хватало смелости протестовать»⁷¹.

«Мне с трудом удалось сохранить от раздела КГБ. Хрущев все приставал, приставал ко мне с разделением КГБ, мне это надоело, и я как-то рассказал ему анекдот о МВД, который тогда появился (МВД разделили): подбирая на улице пьяных, милиционеры принимают — если несет сивухой, отправляют в деревенские органы МВД, если коньяком — в городские. И добавил: “А как мне делить шпионов на сельских и городских?”»⁷² Вполне возможно, что на самом деле Семичастный не проявлял такой гражданской смелости. Егорычев и его коллеги по Московскому горкому партии «не понимали этой затеи. И нам казалось, что это неправильно, потому что речь шла всегда у нас о союзе рабочего класса и крестьянства, и вдруг создаем по сути дела две партии». «После XXII съезда Хрущев обладал большим авторитетом... и находился на вершине власти»⁷³.

В январе 1963 года Хрущев признался Фиделю Кастро, посетившему СССР, что поначалу сам сомневался в правильности своей идеи. Однако, к его удивлению, все вокруг единогласно его поддерживали. Только позже он услышал мнение тех, «кто говорил, что мы разрушаем партию. Знаете, я и по сей день не уверен, что был прав»⁷⁴.

Однако ни по записке Хрущева от 10 сентября 1962 года, касающейся разделения партии, ни по его последующему поведению нельзя было заключить, что его терзают сомне-

ния. К концу сентября, когда он был в длительной поездке по Средней Азии (откуда отправил еще пять записок о состоянии сельского хозяйства там и в других регионах), Президиум, очевидно, уже дал согласие, однако пленум ЦК не мог состояться раньше ноября. Хрущев говорил о реформе как о решенном деле и заодно выдвинул еще одно предложение (создать в ЦК Среднеазиатское бюро), которое у Президиума даже не было возможности обсудить⁷⁵. Все это припомнили ему коллеги два года спустя.

В 1962 году достигла своего апогея вновь развернувшаяся антисталинская кампания. Разумеется, это не могло произойти без одобрения Хрущева; однако очевидно, что главной движущей силой был не он. Либеральная интеллигенция, имевшая своих сторонников в аппарате Хрущева, воспользовалась XXII съездом как путем к продвижению своих идей и победе над своими соперниками из консервативных кругов.

Твардовский слишком хорошо знал переменчивую натуру Хрущева. Ознакомившись с материалами ЦК, он нашел в них немало внушающего тревогу — например секретное распоряжение о регулярных поставках мяса в Москву и Ленинград. «Значит, худо, — замечал он, — если о других городах речи нет». В своем внутреннем кругу Твардовский не ругал Хрущева за то, что тот указывает крестьянам, что, как и когда им сеять. Неужели, говорил он, у главы государства более важных дел не нашлось? Повышение цен 1 июня подтвердило опасения Твардовского. Знал он и о том, что Леонид Ильичев, главный помощник Хрущева по идеологии, не столько поддерживает либералов против консерваторов, сколько из каких-то своих соображений старается удержать их от открытой войны друг с другом⁷⁶.

Летом — осенью 1962 года либералы одержали ряд побед, но консерваторы отчаянно сопротивлялись⁷⁷. Это объясняет, почему, получив повесть провинциального учителя Солженицына «Щ-854» (впоследствии переименованную в «Один день Ивана Денисовича»), Твардовский продвигал ее медленно и осторожно, несмотря на то, что сам безоговорочно признал книгу шедевром.

Повестью Солженицына восхитился не только Твардовский, но и помощник Хрущева Владимир Лебедев, которому Твардовский показал рукопись. Лебедев потребовал кое-что изменить — например, приглушить комические черты в облике члена партии капитана Буйновского и подать его об-

раз в положительных тонах; убрать унижительные ремарки в адрес лагерных надзирателей; а также — что очень позабавило самого Солженицына — хотя бы раз упомянуть, что во всем виноват Сталин. После некоторого колебания автор принял большую часть поправок. Тем временем Хрущев уехал в Пицунду, где 7 сентября 1962 года встречался с Робертом Фростом, американским поэтом, приехавшим в Россию по культурному обмену⁷⁸. С 9 по 14 сентября Лебедев читал Хрущеву вслух фрагменты повести⁷⁹.

Хрущеву книга понравилась. Особенно привлекло его то, что лагерь описывается в повести глазами простого крестьянина. Хрущеву и Микояну, которого Хрущев также пригласил послушать, особенно понравилась «производственная» сцена. Сперва, придя в бурный восторг, Хрущев захотел немедленно пригласить Солженицына к себе на дачу, но затем передумал. Вспомнил он и о том, что перед одобрением публикации должен посоветоваться с коллегами. 16 сентября Лебедев позвонил Твардовскому и объявил, что дело в шляпе; однако пять дней спустя затребовал двадцать три копии рукописи — очевидно, для членов Президиума.

В конце сентября Хрущев вернулся из Средней Азии. В начале октября Президиум дважды собирался для обсуждения произведения Солженицына. Были некоторые сомнения; по словам Хрущева, «при обсуждении раздавались разные голоса. Вернее, только один голос — Сулова». «Боялся, как народ воспримет? Как он поймет?! Народ поймет правильно. Народ всегда правильно поймет. Хорошее от плохого он отличит всегда, сможет разобраться!»⁸⁰

15 октября Лебедев неофициально сообщил Твардовскому о результате заседаний. 20 октября Твардовский был на приеме у Хрущева. «Я понял, что произошла какая-то общая подвижка льдов, — сообщил он после этого своим коллегам по «Новому миру». — Меня встретили с такой благожелательностью, как никогда раньше». Сам Хрущев был от «Ивана Денисовича» в восторге, хотя и признался, что не все коллеги разделяют его мнение. Он добавил, что специальная комиссия уже подготовила три тома материалов о преступлениях Сталина и расследование убийства Кирова продвигается полным ходом. «Мы должны сказать правду об этом времени, — добавил Хрущев. — Нас будут судить будущие поколения, и пусть они знают, в каких условиях нам пришлось работать, что за наследство мы получили».

Хрущев поведал гостю историю о смещении Берии, признал, что секретный доклад 1956 года был рискованным для него самого («Точно вам говорю, так оно и было!») и намека-

нул, что партаппарат сопротивляется его мерам по искоренению культа личности. Твардовский поднял вопрос о цензуре, заметив, что не понимает, почему над главным редактором «Нового мира», кандидатом в члены ЦК, стоит какой-то «неграмотный цензор» — и Хрущев, казалось, с ним согласился. Ведь «Ивана Денисовича» в цензуре бы зарезали, продолжал Твардовский. «Зарезали бы, зарезали — жизнерадостно, со смехом подтвердил Хрущев. — Это надо обдумать. Может быть, вы и правы»⁸¹.

На следующий день после этого знаменательного разговора в «Правде» появилось, без объяснений и комментариев, стихотворение Евгения Евтушенко «Наследники Сталина», которое уже некоторое время ходило по рукам без всякой надежды оказаться напечатанным.

Безмолвствовал мрамор.
Безмолвно мерцало стекло.
Безмолвно стоял караул,
на ветру бронзовея,
А гроб чуть дымился.
Дыханье из гроба текло,
когда выносили его
из дверей Мавзолея.

...
Покуда наследники Сталина
живы еще на земле,
мне будет казаться,
что Сталин — еще в Мавзолее⁸².

Решение о публикации «Ивана Денисовича» и появление в печатном органе Центрального Комитета КПСС «Наследников Сталина» знаменовали собой величайшую победу либеральных литераторов. Однако близилась катастрофа, о которой далекие от политики люди пока даже не подозревали и которой суждено было повлиять не только на внешнеполитическое, но и на внутреннее положение страны.

22 октября 1962 года президент США Кеннеди публично заявил, что Хрущев тайно размещает на Кубе ядерное оружие.